

И. Ф. Витенкова

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА

*Вопросы периодизации древностей Карелии на фоне основных
концепций происхождения финно-угров*

Тема статьи включает поздний неолит, завершающий каменный век, и энеолит, относящийся уже к эпохе раннего металла. Правомерность такого объединения требует определенных разъяснений. Известно, что переход от каменного века к использованию металла представляет собой важное звено в развитии древней культуры. В Карелии этот период имеет ряд особенностей. Освоение меди, судя по всему, не привело к коренным изменениям в экономике местного населения, в частности к внедрению ранних форм производящего хозяйства и расслоению общества, несмотря на предположения некоторых археологов о развитии специализации на добыче и обработке меди (Журавлев, 1991, с. 146) или сланцевых изделий (см. ст. А. Ю. Тарасова в наст. сб.). В эпоху раннего энеолита появилось небольшое количество мелких медных изделий нестандартной формы на нескольких поселениях с ромбоямочной посудой, расположенных на побережье Онежского озера. Дальнейшего развития металлообработки не произошло (Витенкова, 2000, с. 3). На поселениях позднего энеолита с пористой и асбестовой керамикой были освоены новые приемы обработки меди, но это не способствовало существенному увеличению территории распространения, количества и разнообразия изделий (Жульников, 1999). Цветной металл не вытеснил из обихода и даже практически не сузил ассортимент и число

каменных и, вероятно, костяных орудий сходных функций. При переходе от неолита к энеолиту возросла роль торгового обмена, произошли изменения в домостроительстве, изготовлении керамики и орудий, но инновации были не столь существенны, чтобы появились основания определить их как следствие значительных сдвигов в социальной сфере, включая этническую принадлежность населения в широком смысле.

В данной статье археологические культуры рассматриваются в связи с проблемой происхождения финно-угорских народов, поэтому прежде всего следует кратко охарактеризовать эти культуры на фоне основных направлений мысли исследователей-финно-угроведов. С этой проблемой тесно связан вопрос о соотношении выделяемых археологами общностей в материальной культуре и древних этносов, которые обычно так или иначе пытаются связать с предками современных народов.

Вопросы происхождения современных финно-угров и этнической принадлежности археологических культур лесной зоны в Северной Европе не только привлекают внимание ученых, но и вызывают острый общественный интерес и дискуссии. Даже определение основных понятий, связанных с этой проблематикой, таких как «археологическая культура» или «этнос», обычно вызывает споры среди исследователей. Дискуссионной представляется и возможность решить эту проблему только на основании анализа археологических материалов. Как правило, привлекаются данные антропологии, языкознания, а в последние годы и генетики. Тем не менее постоянно предпринимаются попытки поиска предков современных народов в носителях археологических культур.

На территории Карелии особое значение имеет установление происхождения финноязычных народов: прибалтийских финнов и саамов. По этому вопросу существуют разнообразные точки зрения, однако, отбрасывая частности, их можно свести к трем основным теориям: восточной (уральской), западной с двумя основными вариантами (прибалтийским, волго-окским) и теории гибридного происхождения финно-угров (подробнее о них см. в ст. М. Г. Косменко в наст. сб.). Все они сложились сравнительно давно, но с течением времени то одна из них, то другая выходит на первый

план. Это объясняется историческими и политическими причинами, развитием естественных наук, в частности генетических исследований, которые стали источниками новых данных, а также существованием достаточно сильных аргументов в пользу каждой этногенетической теории.

Наиболее ранней, сложившейся во второй половине XIX в., является теория происхождения финно-угорских народов в результате миграции с востока, из области их прародины, которая, по разным мнениям, могла находиться в Поволжье, на Урале или Алтае. Эта теория основана на лингвистической эволюционной модели дерева уральских языков и поддержана многими языковедами и археологами (Казанцев, 1979; Хайду, 1985; Манюхин, 2002). В ее пользу говорит действительное сходство лексики современных финно-угорских языков и наличие небольшого компонента восточного происхождения в их расовом облике.

Кроме того, в словарном составе уральской языковой семьи есть особенности, которые говорят о сложении ее в области произрастания сибирского кедра, вдали от моря (область Уральских гор). Прямое отношение к рассматриваемым периодам имеет вариант восточной теории, изложенный рядом известных российских археологов (Третьяков П. Н., 1961, 1966; Бадер, 1972; Халиков, 1969, 1991 и др.), о восточном, волго-камском происхождении волосовско-гаринского круга археологических культур эпохи энеолита в лесной зоне Европейской России. Ее поддержали и некоторые лингвисты (Хайду, 1985; Напольских, 1997б). К этому кругу древностей с достаточным основанием можно отнести и культуру позднего энеолита с керамикой, имеющей примеси асбеста и органики на территории Карелии. Однако сама миграция с востока не была четко доказана, а в антропологическом отношении финно-угорские народы не едины. В физическом облике западных финских народов преобладают европеоидные черты. Этот факт, а также развитие генетики и политические изменения конца XX в. привели к усилению позиции гипотезы о западном происхождении балтийских финнов.

Согласно «балтийской» концепции, основы которой в начале XX в. заложил Коссинна (Kossinna, 1909, 1928), современные финно-угры – это потомки широколицего верхнепалеолитического

населения приледниковой зоны в Западной Европе, которое в более поздних периодах каменного века было оттеснено на север или ассимилировано индоевропейцами, носителями более прогрессивных методов ведения хозяйства (земледелия и скотоводства). Лишь в лесной зоне, на северной окраине прежнего ареала, финно-угры сохранили свои языки, но под сильным индоевропейским влиянием.

В дальнейшем, особенно в последнее время, балтийская гипотеза была поддержана и развита другими, в основном финскими, археологами, лингвистами и антропологами (см. например: Wiik, 1997; Julku, 1997; Niskanen, 1997; Dolukhanov, 1998; Nuñez, 1998).

В 1950-х гг. в Эстонии и Финляндии сложилась «волго-окская» миграционная гипотеза, которая восходит к взглядам финского археолога Ю. Айлио (Ailio, 1922) и базируется на представлении лингвистов о близком родстве волжских и западных финских языков. Появление носителей уральского, протофинского, языка в Прибалтике и Фенноскандии ее сторонники связывают с распространением в неолите культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (Моора, 1950, 1956; Янитс, 1956; Мейнандер, 1982; Carpelan, 1998, 2001b, Carpelan and Parpola, 2001). Более поздние изменения материальной культуры они обычно объясняют в русле эволюционной концепции этногенеза. Эта гипотеза имеет непосредственное отношение к рассматриваемому кругу древностей, а именно к культуре с гребенчато-ямочной керамикой позднего неолита, которую эти авторы, а вслед за ними и некоторые российские (Седов, 1997) рассматривают как исходные древности прафиннов.

Теория гибридного происхождения финноязычных народов получила распространение преимущественно среди антропологов, по мнению которых расовый облик финно-угров на Севере Европы сложился в древности как результат скрещивания европеоидов (Витов и др., 1959; Алексеев, 1969, 1974а; Денисова, 1975; Беневоленская, 1990б и др.). Отсутствие единства физического облика финно-угров и усиление монголоидных признаков по направлению к востоку говорят в пользу этой гипотезы. Вместе с тем метисная концепция слабо разработана археологами, особенно лингвистами. Прямого отношения к культурам финального неолита – энеолита она не имеет.

Археологическая культура и этнос

Каким образом эти концепции, сложившиеся в основном на материалах работ лингвистов и антропологов, проецируются на археологическую ситуацию в Карелии?

Едиственного общепризнанного определения этноса не существует. В российской этнологии «этнос» обычно употребляется как синоним слова «народ». К основным признакам этноса, выделенным большинством исследователей, относят самоназвание, понятие об общем происхождении, древней прародине (иногда мифологической), общие элементы культуры, включающие обычаи, мифологию, религию и язык и др. Основным признаком этноса, по мнению всех исследователей, является этническое самосознание, отличие себя от других народов, выражающееся в понятиях «мы» и «они». Ю. В. Бромлей (1983, с. 37), который ввел термин «этнос» в отечественную этнологию, подчеркнул такой признак этноса, как стабильность.

Вместе с тем, с одной стороны, этнос не обязательно должен обладать всеми перечисленными признаками, достаточно одного самосознания. С другой – феномен этничности не исчерпывается сколь угодно большим их числом. В исследовании, построенном на анализе археологических материалов, нет необходимости постигать все нюансы этничности, целесообразно сосредоточиться на объективных признаках этноса, которые могут выявиться в археологических артефактах.

Каким образом этнос отражается в археологической культуре? Совершенно очевидно, что такие признаки этноса, как этническое самосознание и язык, средствами археологии не фиксируются. Для того, чтобы противопоставлять свой народ иным народам, нужно от них действительно отличаться. Невозможно выделиться среди точно таких же людей. Это означает, что этническое самосознание могло иметь и материальную основу. Причем чувство общности и желание выделиться на фоне других народов иногда приводят даже к подчеркиванию (демонстрации) внешних признаков этноса (см. например: Wobst, 1977; Hodder, 1982; Wiessner, 1990). Религия, мифология также могут отражаться опосредованно, через какие-то материальные компоненты (изображения, орнаменты).

Вероятно, могли существовать и этнические группы, отличающиеся от других лишь «нематериальными» признаками (языком, самоназванием, песнями и т. п.) или такими чертами (прическа, окраска тела), которые были заметны современникам, но не могут выявляться археологами. Таким образом, та или иная общность между людьми не всегда проявляется в материальной культуре. Кроме того, неясно, в каких именно объектах отражается этническая общность. Например, по мнению М. Е. Фосс (1952), разделяемому в середине XX в. и другими исследователями, орнаменты на керамике являлись племенными знаками, однако в настоящее время такое суждение представляется бездоказательным.

Существует много определений археологической культуры, отражающих разное понимание и способы выделения общностей этого типологического ранга в древней материальной культуре. В общем, их можно разделить на две группы. Одни исследователи выделяют археологическую культуру на основании формальных построений. Комбинация признаков дает тип, сочетание типов методом картографирования – культуру (Лебедев, 1979, с. 74–88; Клейн, 1991, с. 125–149), но поскольку не существует теоретических обоснований для отбора как признаков, так и типов, то выделенные таким образом культуры в той или иной мере условны, контуры культуры зависят от выбранных исследователями признаков, которые часто не совпадают друг с другом. Больше того, конфигурации и изменчивость разных черт культуры зависят от разных факторов. В этой связи полезно вспомнить поучительную дискуссию американских археологов о реальности/условности археологических культур (обзор см.: Клейн, 1991). По сути дела, они фиксируют комбинации регулярностей в материальной культуре, которые отражают традиции ее производства в той или иной сфере. Эти традиции, как и культуры, выделенные таким способом, либо их отдельные признаки, могут отчасти совпадать с этническими границами, но такую ситуацию нельзя признать правилом.

Другие исследователи объединяют территориально близкие памятники на основании сходства вещественных материалов. В этой группе наиболее исчерпывающим является определение А. Я. Брюсова (1952, с. 37): Археологическая культура – это «...единство

археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже – к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках... в единстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени... Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей – орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники. Археологические культуры, понимаемые таким образом, отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен...».

Нетрудно заметить, что вывод, сделанный исследователем, не вытекает из самого понятия археологической культуры, единство материальной культуры действительно может объясняться родством, но может и другими причинами.

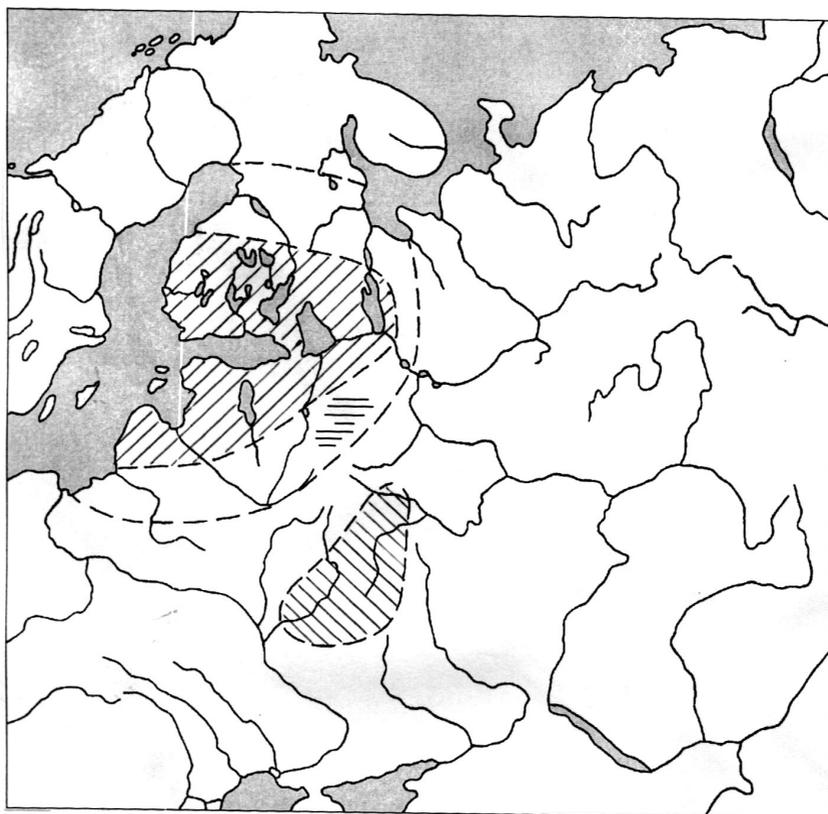
Известно, что археологические материалы, относящиеся к той или иной культуре, фрагментарны. Можно сказать, что неполнота данных – одно из основных свойств археологической культуры. Даже реконструкции каких-то материальных сторон жизни древнего населения не всегда возможны, а результаты могут быть спорными. Тем более это относится к феномену этничности, лежащему в основном в сфере социальных отношений. Неполнота материалов не единственная трудность для археолога. Вторая, может быть, более значительная, – это относительная независимость, противоречивость данных, полученных различными путями, методами разных наук. Как было сказано выше, язык не является единственным признаком этноса, тем не менее, говоря о древних финно-уграх, исследователи имеют в виду народы одной языковой семьи. Нам неизвестно, имели ли они общее самоназвание, чувствовали ли между собой родство и было ли у них общее генетическое происхождение. Изучая физический облик современных финнов и сравнивая их с древним населением, представители естественных наук приходят к выводу о сходстве ряда черт современного и древнего населения. Неизвестно, говорили ли эти люди в древности на

финно-угорских языках, а если не говорили, то можно ли относить их к финно-уграм? Должны ли ученые увязывать между собой результаты разных наук? С одной стороны, этногенетические проблемы невозможно решить на основании данных лишь одной науки, с другой – стремление проиллюстрировать схемы, полученные на основании фактов и методов одной дисциплины, фактами другой, нередко устаревшими или произвольно выбранными, приводит к ложным выводам. Комплексный подход заключается в признании самостоятельности и равноценности данных разных наук. Для археологов, особенно если изучаемые периоды относятся к глубокой древности (каменному веку), было бы идеально проследить развитие материальной культуры от древности до этнографической современности, вычленив узловые этапы ее развития, раскрыть роль различных общностей, участвовавших в генезисе современных финно-угорских народов (Напольских, Наговицин, 1990), однако на практике это сопряжено с немалыми трудностями.

Археологические культуры периодов позднего неолита – энеолита в Карелии

В эпоху позднего неолита – энеолита на территории Карелии существовали три культуры: гребенчато-ямочной, ромбоямочной и асбестовой керамики (рис. 1).

Ареал культуры поздненеолитической гребенчато-ямочной керамики включает Прибалтику, южную и среднюю Финляндию, Карелию, кроме самых северных районов, Ленинградскую и Новгородскую области, распространяется и к востоку от Онежского озера (Гурина, 1996, с. 147; Ошибкина, 1996, с. 220). В Карелии этот пласт древностей представлен поселениями, расположенными на песчаных террасах, в местах, удобных для охоты и рыболовства. На некоторых поселениях, вероятно, зимних, были раскопаны жилища прямоугольных очертаний, чаще с двумя выходами и двумя очагами. Глиняная посуда представляет собой крупные круглодонные горшки полуяйцевидной или округлой формы, редко – небольшие мисочки. В орнаменте преобладают горизонтально-зональные или геометрические узоры из отпечатков гребенчатых штампов и ямок. Каменный инвентарь – традиционного состава, сделан из

- ▨ – культура гребенчато-ямочной керамики
- ▧ – культура ромбоямочной керамики
- ▩ – мстинская культура
- ▤ – граница культур волосовского типа

Рис. 1. Распространение археологических культур позднего неолита – энеолита

местных видов сырья: кварца, сланца и лидита. Привозного кремня немного, но он использовался почти полностью. Из кремня делали мелкие скребущие и режущие орудия, листовидные и ромбические наконечники стрел. Сланцевые рубящие орудия чаще всего прямоугольных или трапециевидных очертаний. Реже встречаются топоры с округлым лезвием, киркообразные орудия и клинья. Среди украшений есть сланцевые кольца, подвески из различных пород камня, очень редко из янтаря. Согласно радиоуглеродным датам, основной период существования гребенчато-ямочной посуды на территории Карелии составлял около 500 лет, с 4950 ± 100 (кал. 3850 ± 130 до н. э.) до 4580 ± 60 (кал. 3300 ± 200 до н. э.) (Витенкова, 2002а, с. 141).

В энеолите на территории Карелии сложились две археологические культуры. Поселения с более ранней ромбоямочной посудой концентрировались на побережье Онежского озера и Водлозера, в бассейне Белого моря, верховьях р. Суны, располагались в местах, удобных для охоты и рыболовства. За пределами Карелии аналогичная посуда распространена к югу и юго-востоку от Онежского озера, а также в верхнем и среднем течении Десны и в верховьях Оки (Смирнов, 1991). Жилища прямоугольной формы иногда расположены попарно и соединены коридорами. Стенки сложены из горизонтально лежащих бревен. Очаги размещались в центре или у выходов. Глиняная посуда представлена обычно крупными круглодонными лепными непрофилированными горшками, миниатюрные чашечки и плоскодонные сосуды редки. Орнамент состоит из ромбических или овальных ямок, поставленных в шахматном порядке, и горизонтальных полос гребенчатых штампов, реже встречаются сложные геометрические узоры. Много каменных изделий традиционных форм (сланцевые рубящие, кирки и киркообразные орудия, скребки, наконечники стрел, украшения). Появились клевцы, желобчатые долота, круммеисели, инструменты, связанные с добычей и обработкой меди, – крупные отбойники и кайла (Журавлев, 1991). Возраст поселений с ромбоямочной посудой определялся разными методами датировки (радиоуглеродным, высотным, палинологическим). Корреляция всех данных позволяет утверждать, что основной период существования поселений раннего энеолита с ромбоямочной посудой и следами металлообработки продолжался с середины до второй половины

III тыс. до н. э., причем на поселениях ромбоямочная керамика нередко сосуществовала с гребенчато-ямочной (Витенкова, 1996б, с. 151–160).

Поселения с керамикой с примесью органики и асбеста сменили ромбоямочной посудой во второй половине III тыс. до н. э., их существование закончилось во второй половине II тыс. до н. э. Этот пласт древностей Карелии археологи чаще всего условно называют культурой асбестовой керамики, что не вполне точно, так как такая посуда на востоке края обычно имеет органическую примесь. Кроме Карелии она встречается в Финляндии, на севере Норвегии и Швеции, где археологи выделили ряд культурных типов или групп, а также частично в Ленинградской, Вологодской, Архангельской областях (Витенкова, 1996в, с. 161; Никитин, 2002, с. 317).

Сходные памятники, но с посудой без примеси асбеста распространены на обширных территориях лесной зоны от Балтики до Урала, составляя группу культур волосовско-гаринского круга. Топография поселений не изменилась. Большинство жилищ квадратные (с одним очагом и выходом) или прямоугольные (с двумя очагами и выходами), углубленные в землю на 40–60 см. На поселении Залавруга II, в низовье р. Выг, вскрыто погребение с инвентарем из янтарных украшений и кремневых наконечников стрел, однако костный материал не сохранился. Посуда с круглым, уплощенным или плоским дном вылеплена из глины с примесью асбеста, органики или их смеси. На ранних памятниках керамика близка предшествующей гребенчато-ямочной, на более поздних сосуды украшены елочкой из оттисков гребенчатых штампов или веревочными отпечатками, наколами, ногтевыми и трубчатыми вдавлениями, неглубокими ямками. В каменном инвентаре произошли заметные изменения: пропорции сланцевых рубящих орудий стали более удлиненными, появились топоры и тесла русско-карельского типа, увеличилось количество желобчатых долот и круммеиселей. Возросло количество наконечников стрел, появились их новые виды из сланца и шифера – с усеченным основанием и выемками, длинные узкие с уплощенным насадом, треугольно-черешковые с шипами, удлиненно-треугольные с выемкой в основании. Значительно увеличилось поступление восточнобалтийского янтаря. Металлообработка на памятниках энеолита зародилась сравнительно рано в среде носителей ромбоямочной керамики, но, как сказано выше, незначительное

распространение металла не привело к изменениям в хозяйстве (Витенкова, 2000).

Археологические культуры Карелии и происхождение финно-угров

Гипотеза о финно-угорской принадлежности культуры гребенчато-ямочной керамики впервые была выдвинута и обоснована Х. Моора (1950, 1956). Мнение о финно-угорской принадлежности культуры гребенчато-ямочной керамики базируется на следующих аргументах: во-первых, у ее носителей по антропологическим данным установлена слабая монголоидная примесь, что традиционно связывается с Уральским регионом – местом сложения финно-угров, во-вторых, ареал культуры гребенчато-ямочной керамики совпадает с территорией расселения прибалтийских финнов. Эта точка зрения была поддержана и другими археологами, так как происхождение гребенчато-ямочной керамики геометрического стиля связывалось с Приуральем, гипотетической прародиной финно-угров (Третьяков В. П., 1967). Достаточно развернутое изложение этой гипотезы сделано Л. Янитсом (1959, с. 326–357). По его мнению, до появления керамики вопросы этнической принадлежности ставить преждевременно, потому что каменные и костяные орудия охоты и рыбной ловли не отражают этнические особенности населения, так как они приспособлены к определенным функциям и адаптированы к окружающей среде. Типы орудий могли быть одинаковыми у этнически неродственных племен, если последние жили в сходных условиях, и наоборот. Вместе с тем уже культуру сперннгс он связывает с протолопарскими племенами и предполагает, что ее появление в Карелии и Финляндии объясняется переселением с востока из области Урала и Западной Сибири. Гребенчато-ямочная керамика, называемая Янитсом «типичная ямочно-гребенчатая» сложилась в юго-восточной Финляндии и Приладожье, отсюда распространилась на территорию Эстонии и Латвии. С этого времени и в Прибалтике, и в Финляндии можно проследить преемственность развития материальной культуры. По мнению Л. Янитса, носители культуры, вероятно разговаривали на одном языке или диалектах общего языка. Скорее всего, это и был прибалтийско-финский язык-основа. Появившаяся позднее культура

шнуровой керамики (ладьевидных топоров) принадлежала иному, неродственному, этносу.

Финские археологи К. Ф. Мейнандер (Meinander, 1973, p. 3–4; Мейнандер, 1982, с. 2) и К. Карпелан (1982, с. 41; Carpelan, 1998, s. 10–14) пришли к выводу, что гребенчатая керамика типа II:I около 3200–3000 (ок. 4000 кал.) лет до н. э. распространилась, возможно, из района Костромы – Галича по направлению к Карелии и южной части Финляндии и далее по Ленинградской области в северо-восточную часть Прибалтики (Carpelan and Parpola, 2001, p. 55–150).

На территории Карелии нет палеоантропологических материалов, связанных с культурами неолита – энеолита. В Латвии и Эстонии антропологические исследования проводились на протяжении многих лет. Их результаты достаточно представительны.

В Прибалтике насчитывается свыше 70 черепов из разных могильников: Звейниеки, Абора, Крейчи, Валма, Тамула и др. (Марк, 1956). Во всех могильниках материалы сходные – это мезокранные черепа с широким, слегка уплощенным средневысоким лицом и массивной нижней челюстью. Нос умеренно выступающий, переносье широкое и относительно высокое. При анализе материала выявилось, что этот антропологический тип является результатом смешения двух вариантов физического облика населения. Основными его компонентами были долихокранный высоколицый европеоидный тип и мезокранный низколицый с ослабленной профилировкой (с монголоидной примесью).

Антропологи относят метисный мезокранный тип населения к носителям гребенчато-ямочной керамики и связывают его с финно-уграми, а долихокранный европеоидный – с балтами, но при этом отмечают, что аналогичные варианты физического облика населения существовали на территории Прибалтики на протяжении всей истории, начиная с мезолита (Денисова, 1975, с. 28–33). По мнению антропологов В. П. Якимова, И. И. Гохмана, уплощенность лица, наблюдаемая еще в мезолите на материалах Оленеостровского могильника, говорит не о проникновении монголоидов в Карелию, а о сохранении черт древнего, первоначального пласта населения (Гохман, 1986; Якимов, 1960а, б). Таким образом,

возникает противоречие: с одной стороны, культура гребенчато-ямочной керамики является в Прибалтике инородной, до ее появления там бытовала нарвская культура с долихокранным, европеоидным населением, с другой – на территории Прибалтики издавна существовали долихокранные, мезокранные и брахикранные формы. Эти факты лишний раз доказывают, что физический тип населения не тождествен культуре и этносу. Данные физической антропологии также показывают, что краниометрические дистанции между финнами и бурятами Байкальского региона такие же, как и между прочими европейцами и бурятами. Финны краниометрически наиболее близки шведам и русским и являются наименее отличающейся европейской популяцией от кроманьонцев палеолитического периода. Саамы – краниометрически тоже европейцы. У них сложился собственный комплекс признаков, впрочем, наименее удаленный от финнов (см.: Манюхин, 2002, с. 7–28).

Генетические дистанции показывают, что прибалтийские финны (собственно финны и эстонцы) ближе к шведам, чем к своим волжско-финским (марийцы) и пермским (коми) языковым родственникам. Этот факт может свидетельствовать в пользу мнения, что балтийские финны обитали длительное время близ Балтийского моря, но может говорить и о более поздних контактах со шведами. Генетические дистанции между уралоязычными народами очень велики, что говорит об очень древнем географическом раздроблении этих народов. Базируясь на генетических дистанциях между шведами, финнами и эстонцами, можно предположить, что предки финнов жили севернее Финского залива дольше, чем допускает традиционная теория их миграции. Таким образом, основываясь на данных физической антропологии и истории населения Европы, нельзя отрицать европейское происхождение балтийских финнов (и других финно-угорских народов Европы). Эти народы являются потомками охотничье-собираТЕЛЬСКИХ популяций, которые населяли приледниковую зону, расположенную между Карпатами и Волгой во время последнего оледенения. Если краниометрические измерения объединяют финнов со шведами, то генные дистанции показывают финнов как до некоторой степени инородных (Niskanen, 1997).

Следует также отметить, что антропологические материалы, относящиеся к карелам, показывают, что при общем сходстве с

другими прибалтийскими финнами они занимают особое место, отличаясь от эстонцев, финнов и саамов.

Таким образом, в последнее время в Финляндии спорят исследователи, которые соотносят период гребенчато-ямочной керамики с финно-угорским этапом (4300–3500 кал. лет до н. э.) (Carpelan, 1998), и ученые, которые полагают, что предки современных финнов появились в стране в конце ледникового периода ок. 10000 лет назад (Wiik, 1997; Julku, 1997; Nuñez, 1998).

Если говорить об археологических аспектах происхождения культуры, то в прошлом веке наиболее распространенной была гипотеза о проникновении гребенчато-ямочной посуды (геометрического стиля) с востока из района Приуралья в Карелию и Прибалтику, выдвинутая В. П. Третьяковым (1967). Между тем его мнение опиралось только на поверхностное сходство в орнаментации, сам факт миграции доказан не был. По моему мнению, нет необходимости искать истоки геометрического стиля на дальних восточных территориях. Все геометрические узоры гребенчато-ямочной керамики находятся на посуде предшествующей ранненеолитической культуры сперрингс (рис. 2). При решении этого вопроса особую важность приобретают хронологические данные. На территории Карелии получено мало радиоуглеродных дат, но в настоящее время конечный этап культуры сперрингс принято датировать 4000 л. до н. э. К; этому же периоду относится и начало существования гребенчато-ямочной посуды согласно калиброванным датам (Витенкова, 2002а, с. 141; Нунге, 2003, с. 185–201). Разрежение орнамента и увеличение количества ямок произошли под влиянием ямочно-гребенчатой керамики. Таким образом, в происхождении керамики геометрического стиля участвовали два компонента. Антропологические данные не противоречат такому предположению.

Так, например, в могильнике Сахтыш имеются материалы, связанные с верхневолжской культурой, родственной сперрингс (7240–5430 л. н.), ее носители по своему антропологическому облику восходят к долихокранному европеоидному населению эпохи мезолита, широко распространенному в Восточной Европе. Аналогичные антропологические черты свойственны и носителям нарвской культуры, также родственной сперрингс (Алексеева, 1997).

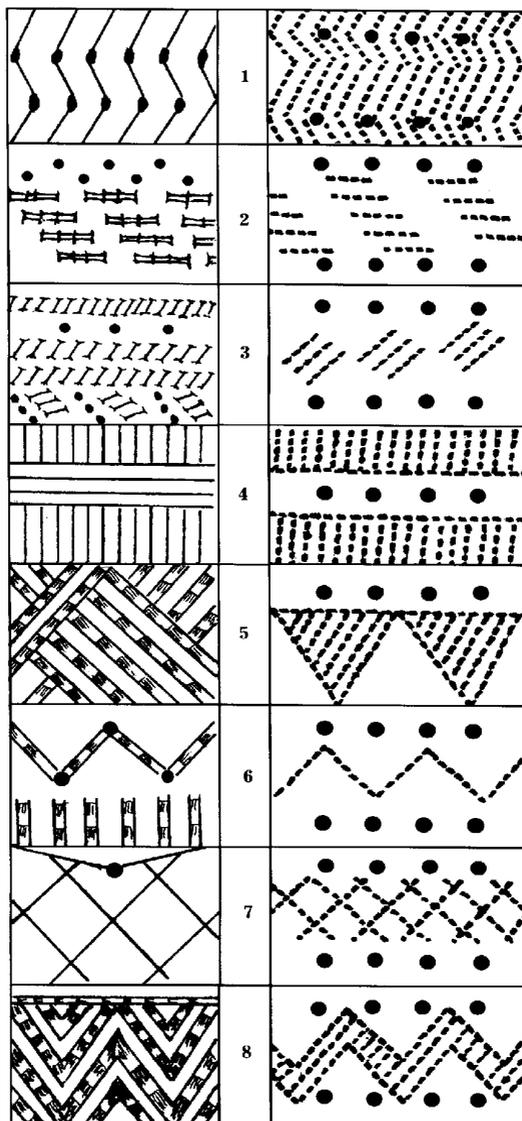

Рис. 2. А – геометрические узоры керамики сперрингс (по Ю. В. Титову),
 Б – аналогичные геометрические узоры гребенчато-ямочной керамики

С культурой ямочно-гребенчатой керамики связан антропологический тип, несущий в себе черты смягченной монголоидности, то, что называется лапоноидностью. Физический тип населения ямочно-гребенчатой керамики не оставляет сомнения в восточных связях.

Таким образом, можно предположить: при смешении европеоидного населения верхневолжской культуры, родственной сперрингс, и носителей ямочно-гребенчатой керамики с лапоноидным населением мог получиться метисный антропологический тип, такой же, как и у носителей гребенчато-ямочной керамики в Прибалтике.

Ромбоямочная посуда выделяется среди прочих вариантов ямочно-гребенчатой керамики своей оригинальной орнаментацией. Происхождение самой ромбической ямки не ясно, возможно ее следует связывать с льяловской культурой (Брюсов, 1947; Смирнов, 1991). По поводу появления ромбоямочной керамики в Карелии существуют различные точки зрения. По мнению А. П. Журавлева (1991), ромбоямочная посуда произошла на территории Карелии, причем ее генезис связан с керамикой сперрингс. Гипотеза о проникновении ромбоямочной посуды с юга, с территории белевской (позднее названной деснинской) культуры впервые была выдвинута А. Я. Брюсовым, (1947, с. 15–21) и поддержана Г. А. Панкрушевым (1978, ч. 2, с. 31), по моему мнению, это предположение более обосновано. В бассейне Десны посуда с аналогичной орнаментацией бытовала с периода среднего неолита, сменив культуру с гребенчато-накольчатой керамикой (Смирнов, 1991). Памятники деснинской культуры распространены до южного побережья Онежского озера. В Карелии ромбоямочная посуда на некоторых поселениях сосуществует с гребенчато-ямочной (Витенкова, 2002а, с. 140). Такие тесные контакты, возможно, являются признаком культурной или этнической близости.

Культура керамики с примесью органики и асбеста относится к волосоидным культурам. В энеолите волосовская, или волосовско-гаринская, культурная общность занимала почти всю лесную зону Восточной Европы. В 1960–1970-х гг. О. Н. Бадер (1972) и

П. Н. Третьяков (1966) связывали происхождение волосовской культуры с Камско-Уральским регионом. С ними не согласились финские и эстонские исследователи, связывавшие финно-угров с предшествующей (гребенчато-ямочной) культурой, а также Д. А. Крайнов (1981), М. Г. Косменко (1993) и К. Карпелан (Saarelan and Parpola, 2001). Они не находят доказательств распространения культуры в направлении восток – запад, а следовательно, и признаков формирования финно-угорской общности в период энеолита, ведь торговые связи, в частности распространение янтаря, шли в обратном направлении (Лозе, 1985); это же можно определенно сказать и о некоторых типах сланцевых изделий, например круммейселях.

Следует отметить, что между культурами с гребенчато-ямочной и асбестовой керамикой существует несомненная генетическая связь. Она прослеживается в орнаментации сосудов (ранняя асбестовая керамика практически повторяет орнаментацию гребенчато-ямочной), в конструкции жилищ, изобразительных мотивах на сосудах и мелкой пластике. Антропологические материалы также не противоречат предположению о родстве обеих культур. В волосовское время увеличивается относительное число представителей выраженного европеоидного типа, смешанный тип сохраняется на прежнем уровне. Видимо, это объясняется небольшим количеством пришлого населения, что и вызвало возвращение к исходному европеоидному типу, который увязывается с северо-западными территориями Европы (Алексеева, 1997, с. 27).

* * *

Таким образом, процесс развития археологических культур в неолите – энеолите на территории Карелии такой же как во всей лесной зоне Восточной Европы: раннеэнеолитические культуры с гребенчато-накольчатой керамикой сменяются культурами с различными вариантами ямочно-гребенчатой керамики, но раннеэнеолитические черты полностью не исчезают, возникают гибридные культуры прибалтийская (Лозе, 1985, с. 52–59) и карельская гребенчато-ямочная, мстинская (Зиминая, 1996, с. 193–198), балахинская (Крижевская, 1996, с. 184) и др. В энеолите их сменяют

родственные культуры волосоидного типа. Из этой цепочки выпадает культура ромбоямочной керамики с оригинальной орнаментацией, не получившей дальнейшего развития.

У всех трех культур есть общие черты. Гребенчато- и ромбоямочная керамика сосуществует на одних и тех же памятниках, жилища сходны, каменный инвентарь практически тот же, возможно, постепенно они сливаются в одну культуру. При этом орнамент из ромбических ямок на территории Карелии постепенно исчезает. В финале культуры орнаментацию гребенчато-ямочной посуды наследует асбестовая керамика. Между культурами с ромбоямочной и асбестовой керамикой также есть сходство в использовании меди, мелкой пластике и фигурных налечах на сосудах. Во всех перечисленных культурах распространены изображения водоплавающей птицы на глиняных сосудах и в мелкой пластике.

Эти изображения распространяются по всей лесной зоне, на восток, до Западной Сибири, они связаны с разными археологическими культурами от мезолита до бронзового века (Мошинская, 1976). Интересно, что у финно-угорских народов имеется и миф о происхождении Земли, связанный с водоплавающими птицами (Напольских, 1997а). Есть два таких сюжета. Один миф (чаще встречается у прибалтийских финнов) об образовании Земли из яйца. У финно-угорских народов Поволжья (удмуртов) и других распространен миф о нырянии водоплавающих птиц за Землей. В нырянии участвуют обычно две или три птицы (в более древних мифах – две). Среди прибалтийских финнов, только у карел есть миф о нырянии за Землей, но он считается более поздним, возможно, заимствованным. По мнению В. В. Напольских, этот миф был принесен в Европу финно-уграми, причем предки финнов и саамов ассимилировали какое-то древнее население, от которого происходит их антропологический тип. Он предполагает, что древнейшая прародина уральской языковой семьи располагается в Зауралье и Западной Сибири, антропологически наиболее древние финно-угры относились к монголоидам. Вполне возможно, что их распространение соответствует распространению мифа о нырянии утки за Землей. На территории Карелии найдены изображения водоплавающих птиц на керамике эпохи неолита и бронзы, причем они

встречаются, как правило, тоже по две (Витенкова, 2002б), но доказательств прямой связи между изображениями птиц на неолитической и энеолитической керамике и мифами, вероятно, сложившимися в более позднее время, нет.

Таким образом, причины сходства между тремя культурами неолита – энеолита Карелии объясняются хронологической близостью и генетическими связями. Причины сходства артефактов в разных, нередко хронологически и пространственно отдаленных археологических культурах в настоящее время не совсем ясны. Антропологические данные скорее подтверждают европейское (иначе говоря, автохтонное) происхождение прибалтийских финнов, чем миграцию с востока. Этот факт еще не означает, что носители гребенчато-ямочной керамики, или волосовцы, говорили на финно-угорских языках. С помощью данных биологических наук можно доказать физическое родство народов, используя археологические методы можно прийти к более или менее обоснованным выводам относительно преемственности археологических культур или ее отсутствия, но языковую принадлежность археологических культур периодов неолита – энеолита установить не удастся. Нет также и веских доказательств миграции с востока в эпоху позднего неолита и энеолита.